ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.6)

Научная статья
УДК 130.122
doi: 10.18522/2070-1403-2026-117-4-20-26

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В КОГНИТИВИСТИКЕ

© ***Владимир Владимирович Богданов*[1], *Сергей Николаевич Макаренко*[2]**
[1]*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия;* [2]*Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Г. Таганрог, Россия*
[1]*bogdanov@gmail.com* [2]*makselin@list.ru*

Аннотация. Проанализированы аргументы ведущих отечественных исследователей относительно наиболее обсуждаемых в современной когнитивистике концептов: конструктивистской интерпретации познавательного процесса, эвристическом статусе непосредственного знания, о возможности включения личностных факторов в процесс исследования объективного познания, об интерпретации социокультурной обусловленности научного познания. Обосновано сомнение в том, что эти популярные в современной когнитивистике тренды способны в значительной мере прояснить природу и механизмы познавательной деятельности. Показано, наличие конструктивного момента в познании не является основанием для элиминации теории объективного познания или корреспондентской интерпретации истины, так как субъективный момент в познании не является самостоятельным и изолированным.

Ключевые слова: познание, знание, конструктивизм, когнитивистика, личностное знание, диалектика.
Для цитирования: Богданов В.В., Макаренко С.Н. Постклассические концепты в когнитивистике // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 117. № 4. С. 20-26. Doi: 10.18522/2070-1403-2026-117-4-20-26

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.6)

Original article

Postclassical concepts in cognitive sciences

© ***Vladimir V. Bogdanov*[1], *Sergey N. Makarenko*[2]**
[1]*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation;* [2]*Taganrog institute (branch) of the Rostov State Economic University (RSEU), Taganrog, Russian Federation*
[1]*bogdanov@gmail.com* [2]*makselin@list.ru*

Abstract. The arguments of leading Russian researchers regarding the concepts most discussed in modern cognitive science are analyzed: the constructivist interpretation of the cognitive process, the heuristic status of direct knowledge, the possibility of including personal factors in the process of studying objective cognition, and the interpretation of the sociocultural conditionality of scientific cognition. There is a reasonable doubt that these trends, which are popular in modern cognitive science, can significantly clarify the nature and mechanisms of cognitive activity. It is shown that the presence of a constructive moment in cognition is not a reason for eliminating the theory of objective cognition or the correspondent interpretation of truth, since the subjective moment in cognition is not independent and isolated.

Key words: cognition, knowledge, constructivism, cognitive science, personal knowledge, dialectics.
For citation: Bogdanov V.V., Makarenko S.N. Postclassical concepts in cognitive sciences. *The Humanities and Social Sciences.* 2026. Vol. 117. No 4. P. 20-26. Doi: 10.18522/2070-1403-2026-117-4-20-26

Введение

Одними из наиболее обсуждаемых в современной когнитивистике концептов, имеющих философское происхождение, являются конструктивистская интерпретация познавательного процесса, повышенное внимание к непосредственному знанию, включение личностных факторов в процесс объективного познания, социокультурная обусловленность научного познания.

Обсуждение

Конструктивистский акцент в познании, активно инициированный уже более 40 лет назад представителями естественно-научного направления в науке: психологами (П. Ватцлавиком [8], Э. фон Глазерсфельдом [4]), нейробиологами (У. Матураной [6], Ф. Варелой [2]), физиком-кибернетиком (Х. фон Фёрстером [9]) сосредоточен на преимущественном внимании к активной роли субъекта и его участии в конструировании представления об объекте. Конструктивистский характер познания интерпретировался множественными, в том числе взаимоисключающими концепциями, но в большинстве случаев, опирался на адаптационную функцию познания (если таковой считать и социальную коммуникацию), организующую опыт преодоления препятствий.

Знанием может признаваться только эффективное реагирование на изменяющиеся обстоятельства, способ организации поведения. Соответственно, информационная система является замкнутой и знания в принципе не передаются. Естественным следствием конструктивистских подходов был агностицизм, элиминация самой возможности постановки вопроса об онтологии. Познанием в конструктивистской интерпретации является процесс и механизм формирования ментальных конструкций нейрофизиологической и психологической системой. Конструктивизм хотя и является одним из самых популярных исследовательских направлений, однако сколько-нибудь целостной теорией пока не обладает. В рамках статьи нет возможности рассмотреть всю классическую конструктивистскую аргументацию, поэтому сосредоточимся на некоторых позициях ведущих отечественных исследователей.

Помимо популярной сейчас в философской литературе конструктивистской интерпретации познания, набирает обороты и акцент на «личностных параметрах в знании» (Е.А. Мамчур): «классическая эпистемология признавала в качестве идеала научного познания объективность и истинность знания, в то время как современная эпистемология отказалась от него» [5, с. 7]. В качестве аргументов к такой позиции приводятся различные интерпретации теории квантовой механики. Это позиция, фактически сопутствующая конструктивисткой интерпретации познания. Поскольку наиболее частые ссылки на данную позицию связывают с исследованием Е.А. Мамчур, то необходимо выделить ее ключевые тезисы.

Е.В. Мамчур разводит понятия эпистемологической объективности и реализма, подразумевая под реализмом «онтологическое существование реальных сущностей», а под эпистемологической объективностью теорию, претендующую на истинность и имеющую критерии, и делает предметом исследования последнюю [5, с. 12–13]. Кроме того, ключевым в авторской концепции является использование термина «релятивность» (в отличие от термина «релятивизм»), как «относительность наших знаний к той или иной парадигме или культуре, к тому или иному типу рациональности, в рамках которых это знание возникает и функционирует. Релятивность, конечно же, присуща научному знанию» [5, с. 14]. (Чтобы избежать обвинений в оправдании релятивизма, автор предусмотрительно выделяет его отличительный признак – признание равноценности разных теорий, которого следует избегать. А термин «объективность» заменен автором на термин «рационализм», чтобы дистанцироваться от сторонников «отражения знанием действительности»).

Автор показывает несостоятельность в рамках эпистемологической проблематики крайних форм конструктивизма, однако поддерживает ее «умеренную» версию и приводит основания для рассмотрения личностных факторов познания, связанных с психологическими факторами. Е.А. Мамчур аргументирует влияние личностных факторов на науку примерами из истории личной жизни и окружения ученых, которые могли повлиять на создаваемые ими теории, хотя и считает этот фактор лишь предположительным: «некоторые психологические особенности познающего субъекта играют неустранимую роль в развитии научного знания» [5, с. 156].

Включение личностных факторов в процесс объективного познания в классической философии, начиная с античности, был неприемлем, так как мог иметь результатом лишь субъ-

ективное, далекое от истины мнение (элеаты, Сократ, Платон и т.д.). Соответственно, любая психологизация процесса познания, которая отвлекает от поиска всеобщего и необходимого знания, отвергалась. Позитивизм XX в. Относился к психологизму в познании столь же радикально и любые, даже фрагментарные попытки (Т. Кун) привлечения психологических аргументов для объяснения эпистемологии сталкивались с критикой. Психологизм в теории познания допускался лишь по отношению к внешнему рассмотрению истории научных исследований (К. Поппер, И. Лакатос, М. Полани). Психологизм в познании полностью не исключался (Д. Юм, Э. Мах), но относился не к самому механизму познавательной деятельности, а к мотивации (часто определяемой как неосознанной), к субъективным целям исследователей.

Такое рассмотрение участия психологических факторов в познании вполне достоверно, но только если науку рассматривать исключительно как индивидуальную деятельность отдельных людей, а не объективную интенцию присущую культуре и общественному сознанию или, как у К. Юнга, через человека говорит «род, голос всего человечества» [13, с. 143], или как гегелевскую «хитрость разума», когда стремясь к реализации субъективных страстей и желаний, преследуя личные эгоистические интересы, отдельный человек, сам того не осознавая, реализует всеобщие интересы духа, истины, идеи [3, с. 397–398]. Цели и мотивы, реализуемые в культуре, роде, общественном сознании, к которому относится и наука, едва ли могут быть рассмотрены в контексте личностных психологических интересов.

Другим фактором, влияющим на релятивность познания, Е.А. Мамчур называет влияние культуры и исторического типа рациональности и выясняет способность познания «корректировать влияние мировоззренческих стереотипов культуры». Отвергая культурологическую версию эпистемологического релятивизма, автор тем не менее обосновывает культурную релятивность научного познания: «существование в разных культурах различных теорий числа», различие античного и новоевропейского атомизма и физики вообще, отмеченные О. Шпенглером [12, с. 68], несоизмеримость (разобщение) научных парадигм (Я. Хакинг [10, с. 87–88]) на примере Парацельса и современной науки. (Ошибочным, согласно Е.А. Мамчур, является лишь утверждение об их равнозначимости). Приведенные примеры должны служить обоснованию тезиса о том, что на познание влияет способ жизнедеятельности людей, накладывая на познание определенные ограничения, хотя это влияние и не должно рассматриваться в детерминистском смысле.

Эту связь, вслед за К. Юнгом [14, с. 187, 203], автор называет синхроничной (смысловыми совпадениями): параллелизм, совпадение мыслей, психических состояний, психического состояния индивида с некоторым внешним событием. «Нам представляется, что взаимоотношение между наукой и культурой близко по типу юнговской синхронистичности… само понятие синхронистичности легко ассоциируется с понятием самоорганизации» [5, с. 191, 193]. Принятие подобной аналогии по отношению к познавательной способности, однако, не столько проясняет природу познания, сколько порождает дополнительные вопросы. Не говоря уже о проблематичности переноса синергетических интерпретаций с неживой материи на сознание и культуру, возникает и другая проблема – синхрония проявляется слишком избирательно, затрагивая одни явления духа и игнорируя другие. Признавая проблематичность сколько-нибудь рационального объяснения синхронизма, параллелизма идей в познании на уровне науки как общественного сознания, автор предприняла попытку выявить его на уровне индивидуальной деятельности исследователей и их коммуникации.

И на этом этапе релятивность проявляется как следствие необходимости обращения к познающему субъекту. Так разве не об этом необходимом диалектическом взаимопроникновении субъективного и объективного говорила вся классическая немецкая философия? Однако, признавая объективный характер познания, пусть даже относительно истинный, такая позиция тут же стремится подчеркнуть верность очередной раз «модному тренду» – конструктивизму в познании, подчеркивая субъективный характер познания. Только вот как это рассудочное выделение субъективности, повторяемое как мантра конструктивистами, помогает объяснить природу познания, так и осталось не проясненным. Столь же неясным остался и

эвристический смысл таких понятий как «релятивность», «личностные параметры в знании»; неясно, что меняется, когда корреспондентскую теорию истины как соответствия знания действительности переинтерпретировать как «согласованность знания и действительности… Или адекватность знания действительности» [5, с. 239]; неочевидно и кому оппонирует эта позиция, если и классическая (фундаменталистская) эпистемология никогда и не говорила об исчерпывающем знании истины, а субъективность, по крайней мере, со времен Гегеля является столь же значимой в познании, как и объективность и отношение между ними.

Этой позиции и сомнениям в ее эвристическом потенциале было уделено большее внимание потому, что она стала одним из трендов в отечественной когнитивистике и поддерживается многими ведущими исследователями: Л.А. Микешина: «релятивизм… неотъемлемое свойство познания вообще, что стало явным особенно в современном познании, где плюрализм и «множественность миров», подходов, критериев, систем ценностей, парадигм становятся общепризнанными» [7, с. 53–64]; И.В. Черникова: «смысл познания в том, что объект конструируется в интеллектуальном и культурном пространстве деятельности человека… интерпретативную практику, укоренённую в жизненном мире» [11, с. 54]. Мыслительные конструкции действительно создаются субъектом и на начальном этапе выглядят, как только субъективные представления, модели, вероятностные интерпретации.

Однако наличие различных интерпретаций квантовой теории рано или поздно будет сводиться к одной из существующих интерпретаций или к новой версии, на основе будущей теории поля, которая будет восприниматься физиками как объективное знание. Но, вероятнее всего, субъективность, объективность и их отношение лишь проявятся как необходимые моменты процесса познания. А вот какими гносеологическими следствиями обогащается эпистемология, акцентирующая внимание на исключительно субъективно-конструктивистской природе знания, пока остается не проясненным. Значимая роль интерпретаций в научном познании и якобы вытекающий из этого только субъективность, социокультурная обусловленность научного познания скорее связана с ограниченностью эмпирического познания, а не познания вообще.

Конструктивизм по сути является модернизированной формой скептицизма, который признает все существующее лишь явлением, видимостью для сознания, субъективным представлением и постулирует невозможность постижения вещей самих по себе. Это субъективное представление, чувственное восприятие как в скептицизме, так и в конструктивизме является достаточным основанием для того, чтобы руководствоваться ими в повседневной жизни и согласовывать с ними свое поведение, но настаивает на элиминации самой постановки вопроса об истинности или ложности познания чего-либо объективного. Тем самым конструктивизм признает различие на субъективное и объективное как нечто устойчивое, неподвижное, раз и навсегда установленное. Т.е. в конечном счете это различие является для него как окончательная истина. Таким образом, скептицизм и конструктивизм, обращая внимание на безусловно необходимую отрицательную сторону познания, останавливается на ней, не замечая, что уже высказал претензию на утвердительное познание истины.

Вопрос же о существовании природы помимо сознания табуирован. Кроме того, совершенно обходится стороной вопрос о происхождении и причинах ограничения такой познавательной способности человека, которая ничего не познает, кроме собственных спекуляций. Но и по разделу гносеологии концепции И. Канта и конструктивизма можно отнести лишь с большой долей условности (только ограничивая вслед за Кантом познавательную деятельность рассудочным опытом), так как объективного познания они не признают. Скорее речь может идти об отношении сознания к собственным проекциям, т.е. не о познании в классической философской интерпретации этого термина, предполагающего объективность результатов, семантику истины или лжи, а к производительно-конструкторской деятельности сознания по производству субъективных представлений. Разве что в стихийном процессе биологической эволюции случайно закрепился в популяции механизм творческого, художественного преобразования действительности вместо приспособительного.

Отделение себя от мира, перенесение содержания в себя или, наоборот, «вживание», переживание, погружение в уже внешний предмет как в себя самого собственно и является скачком к самосознанию и сознанию, а значит и появлению познания. Фиксация внимания на таком различии (сознание переносит в себя содержание предмета или погружается в это содержание в предмете) представляется не меняющим сути дела, так как речь все равно идет об одном и том же – знание все равно находятся в субъекте и переживает его как собственный внутренний процесс человека. И.А. Бескова видит в этом принципиальное различие и считает, что когда сознание переносит содержание предмета в себя, то это является монотонным дискурсивным познанием, а «реликтовая» способность (до грехопадения и отделения от мира, до самосознания и сознания) «вживания», «вчувствования» в объект приводит к инсайдам и непосредственному (не опосредованному логическим выводом) видению целостной картины [1, с. 116–117].

В индийской интегральной ведической версии Шри Ауробиндо, Мирры Альфасса (Матери) и Сатпрема (в интерпретации И. А. Бесковой) понимание постижения существенно отличается от западного. Тем не менее, познание в классическом западноевропейском смысле также признается ими. В отличие от непосредственного усмотрения, оно возникает вместе с выделением человека из природы, появлением сознания и выполняет натуралистическую функцию адаптации к среде. (Другое дело, ограничивается ли познание только целью приспособления к природной и социальной среде?). Разница, таким образом, оказывается лишь в предпочтительности, полноте и целостности («недуальная целостность архаичного мышления») непосредственного знания, которые просто постулируются, и которые не могут быть проверены, перед познанием самосознающего субъекта, имеющим прозрачный и в значительной мере верифицируемый путь его получения).

Выводы

Для современных сторонников концепции информационной природы сознания и познания оказалось проще определять духовное через столь же онтологически неопределенное понятие информации (неопределенно сущего, которое входит и выходит), чем согласиться с тем, что разум познает в природе в форме необходимости самого себя. Конструктивистская и феноменологическая установка на то, что познается только то, что относится к субъективности, к самому сознанию не сильно изменяет классическую эпистемологическую установку. Но и в ней не утверждается, что в познании мир воспринимается таким, каков он существует во всей своей сложности и многообразии. Субъект-объектная установка нового времени уже предполагает, что в познании субъект имеет дело с моделью реальности. Единичное доступно чувственному восприятию, а не мышлению. Только при этом единичное, конечное в классической установке и не имеет самостоятельной ценности для познания, познанным признается лишь всеобщее, присутствующее во всем единичном.

Какие же преимущества эпистемологии дает утверждение о познаваемости феноменов для нас и непознаваемости «вещей в себе» или познаваемости актов самого сознания, если и И. Кант и Э. Гуссерль не отрицают существование именно внешнего по отношению к сознанию мира. К тому же «вещью в себе» для обоих подходов оказывается онтология самого сознания. Ну а то, что познание не является тотальным определением вещей самих по себе во всем бесконечном многообразии их свойств и отношений – так это не было секретом для всей классической философии и не очевидно, что добавляет к этому акцент на конструктивном характере познания в неклассическом философствовании, если как необходимый момент конструирование реальности признается и в классической философии, только для последней этот момент не был единственным и определяющим в познании, наряду с другими. И наличие конструктивного момента в познании никоим образом не ведет к необходимости отказываться от поиска истины (как в релятивизме позднего Р. Рорти вследствие конвенциальности научного знания).

Список источников

1. *Бескова И.А.* Эволюция и сознание: (когнитивно-символический анализ). М., 2001. 268 с.

2. *Варела Ф., Матурана У., Урибе Р.* Биосистемы: Аутопоэз как способ организации живых систем; его характеристика и моделирование // *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: Phren, 2000. 333 с.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. 452 с.
4. *Глазерсфельд Э. фон*. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. № 4. 59–81.
5. *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М., 2004. 242 с.
6. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
7. *Микешина Л.А.* Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2004. № 1. С. 53–64.
8. *Фаликман М.В.* Методология конструктивизма в психологии познания // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 3. – URL: http://psystudy.ru (дата обращения 20.12.2025).
9. *Фёрстер Х. фон.* О конструировании реальности // *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: Phren, 2000. 333 с. С. 148–166.
10. *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998. 296 с.
11. *Черникова И.В.* Проблема реальности в её сопряжённости с реальностью сознания // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С.54–59.
12. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.
13. *Юнг К.Г.* Психология и поэтическое творчество // *Юнг К.Г.* Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992. 320 с.
14. *Юнг К.Г.* Синхронистичность: акаузальный объединяющий принцип // Синхронистичность. Сборник. М., 1997. 320 с.

References

1. *Beskova I.A.* Evolution and consciousness: (cognitive-symbolic analysis). M., 2001. 268 p.
2. *Varela F., Maturana U., Uribe R.* Biosystems: Autopoiesis as a way of organizing living systems; its characteristics and modeling // *Tsokolov S.* Discourse of radical constructivism. Traditions of skepticism in modern philosophy and theory of knowledge. Munich: Phren, 2000. 333 p.
3. *Hegel G.V.F.* Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of Logic. M., 1974. 452 p.
4. *Glasersfeld E. von.* Introduction to Radical Constructivism // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. 2001. No. 4. P. 59–81.
5. *Mamchur E.A.* Objectivity of Science and Relativism: (Towards Discussions in Modern Epistemology). M., 2004. 242 p.
6. *Maturana I., Varela F.* The Tree of Knowledge. M.: Progress-Tradition, 2001. 224 p.
7. *Mikeshina L.A.* Relativism as an epistemological problem // Epistemology and Philosophy of Science. 2004. No. 1. P. 53–64.
8. *Falikman M.V.* Methodology of constructivism in the psychology of knowledge // Psychological research. 2016. Vol. 9. No. 48. P. 3. – URL: http://psystudy.ru (accessed 20.12.2025).
9. *Förster H. von*. On the Construction of Reality // *Tsokolov S.* Discourse of Radical Constructivism. Traditions of Skepticism in Modern Philosophy and Theory of Knowledge. Munich: Phren, 2000. 333 p. P. 148–166.
10. *Hacking I.* Representation and Intervention. Introduction to the Philosophy of Natural Sciences. M.: Logos, 1998. 296 p.

11. *Chernikova I.V.* The problem of reality in its connection with the reality of consciousness // Humanitarian vector. 2015. No. 2 (42). P.54–59.
12. *Spengler O.* The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. 1. Gestalt and Reality. M.: Mysl, 1993. 663 p.
13. *Jung K.G.* Psychology and poetic creativity // *Jung K.G.* The phenomenon of spirit in art and science. M., 1992. 320 p.
14. *Jung K.G.* Synchronicity: an acausal unifying principle // Synchronicity. Collection. M., 1997. 320 p.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 05.02.2026.
The article was submitted 22.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 05.02.2026.